

Радин Евгений Петрович

Футуризм и безумие

**Параллели творчества и аналогии
нового языка кубо-футуристов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Петрович Р.**
Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов /
Радин Евгений Петрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-80177-5

ISBN 978-5-519-80177-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Какъ понимаютъ будущее футуристы? Они понимаютъ его въ смыслѣ народненія новыхъ признаковъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Футуризмъ отчасти біологическое ученіе, но это только кажущійся позитивизмъ въ пониманіи человѣческой психики.

Въ интуиціи, сверхчувственномъ воспріятіи—сущность новаго человека-футуриста.

Люди будущаго — футуристы однако же дальше проповѣди движенія не идутъ. Нигдѣ такъ хорошо не выясненъ этотъ исходный лозунгъ футуризма, какъ у итальянскаго футуриста Маринетти.

„Мы хотимъ воспѣвать любовь къ опасности, навѣкъ къ дерзости и энергій. Литература восхваляла до сихъ поръ задумчивую неподвижность, сонъ; мы восхваляемъ наступательное движеніе, лихорадочную бессонницу, бѣглый маршъ, кулакъ, salto-mortale, пощечину. Для насъ важна наша огненность, бунтъ и наши плевки. Великолѣпіе міра обогатилось новой красотой—красотой быстроты. Голочный автомобиль, который кажется бѣгущимъ по картечи, прекраснѣе самоѳракинской побѣды. Витъ борьбы—нѣтъ красоты. Не можетъ быть шедевромъ твореніе статическое. Только въ динамическомъ — поэзія. Долой слова въ именительномъ падежѣ и въ неопредѣленномъ наклоненіи. Поэзія должна быть дерзкой атакой противъ невѣдомыхъ силъ“. (Шершеневичъ. Футуризмъ безъ маски).

Движеніе у футуристовъ является не средствомъ достиженія, а цѣлью выявить накопившуюся энергію.

Формула движенія футуризма есть подвижность, движеніе ради движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же манифестѣ Маринетти мы находимъ собранными въ одну кучу удивительныя и прямо противоположныя стремленія, напр., патріотизмъ и анархію, войну и революцію.

Футуризмъ въ Россіи ничего не привѣтствуетъ и не славить, кромѣ самихъ себя и, пожалуй, націонализма (В. Хлѣбниковъ. Ряз.). Зато, признавая движеніе, какъ самоцѣль, онъ выставилъ и еще одну самоцѣль—форму-самоцѣль.

„Въ поэзіи есть только форма; форма и является содержаніемъ. Когда имъ возражаютъ на это, что въ памяти остается сюжетъ, образъ, мысль — футуристы объясняютъ: да, но это только потому, что вы еще не научились цѣнить форму саму по себѣ. Форма не есть средство выразить что-либо. Наоборотъ — содержаніе это только удобный предлогъ для того, чтобы создать форму, форма же есть самоцѣль“. (Шершеневичъ. Футуризмъ безъ маски. Стр. 56).

Если мы вдумаемся въ то возрожденіе личности, къ которому призываютъ насъ футуристы, то увидимъ, что это возрожденіе—проекція блуждающихъ болотныхъ огней въ воздухъ. Призывъ ихъ можетъ сдѣлаться не возрожденіемъ, а упадкомъ. Миражъ разсѣется, и нѣтъ ничего—одна пустота.

„Мы во власти новыхъ темъ: ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности—воспѣты нами“ (Садокъ Судей, II).

Какъ въ какой-нибудь сказкѣ—безсмысленность, ненужность и ничтожность появляются на сцену и завершаютъ движеніе и художественную форму, какъ самоцѣли.

Футуристы—дѣти своихъ отцовъ декадентовъ-символистовъ. Какъ реформаторы, они веселы, полны подъема и жизни, но подъ ними нѣтъ почвы, въ нихъ нѣтъ содержанія, и можетъ всегда появиться на ихъ мѣстѣ пустота властной ничтожности.

Будемъ думать, что футуризмъ, какъ здоровый подъемъ настроенія послѣ упадочнаго меланхолическаго и пессимистическаго символизма, преодолѣетъ и властную ничтожность и пустоту.

А пока онъ сталъ на скользкую почву. Можетъ быть наша аналогія съ безуміемъ дастъ возможность намѣтить вѣрный путь. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что цѣлая группа талантливыхъ писателей съ Игоремъ Сѣверянинымъ, какъ первымъ теперь уже ушедшимъ вождемъ эго-футуризма, не раздѣляетъ кубо-футуристическаго преклоненія передъ безсмысленностью и ничтожностью.

„Цѣль творчества не общеніе, а только самоудовлетвореніе и самопостиженіе.. Всѣ истинныя созданія искусства равноцѣнны. Нѣтъ великихъ и второстепенныхъ поэтовъ, всѣ равны... По содержанію не можетъ быть достойныхъ и недостойныхъ произведеній искусства, они различаются только по формѣ... Нѣтъ низменныхъ чувствованій, и нѣтъ ложныхъ. Что во мнѣ есть, то истинно. Не человѣкъ мѣра вещей, а мгновеніе. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, въ это мгновеніе“. (В. Брюсовъ. Истины. Сѣверные цвѣты 1901 г. стр. 196).

Такова формула символически-декадентскаго творчества—предшественниковъ и духовныхъ отцовъ футуризма. Слово футуризмъ уже было на языкѣ символистовъ, философъ и критикъ которыхъ Charles Morice озаглавилъ свой трудъ — „Завтрашняя литература“.

Если мы взглянемъ въ формулировку творчества декадентовъ въ ихъ собственномъ изложеніи, то увидимъ, что футуристы-дѣти идутъ по намѣченному отцами пути.

Они рѣзче подчеркиваютъ особенности своего побѣднаго шествія и въ своихъ манифестахъ ссылаются на близость грани безумія, какъ желаннаго и цѣннаго.

До сихъ поръ психіатрическая критика подходила къ оцѣнкѣ новѣйшихъ теченій литературы съ точки зрѣнія душевнаго здоровья и открывала Америку. Ни декаденты, ни футуристы ничуть не шокированы близостью къ душевному заболѣванію.

Пушищевскій завидуетъ участи „мономана, страдающаго психозомъ ужасныхъ видѣній“.

Пушищевскій признаетъ „объединяющую вѣру — вѣру въ Шарко и вѣру въ божественность одержимости бѣсами“. Это не выборъ, а соединеніе подлиннаго лика съ личиною, та мгновен-

ность переживаній, подъ защитою которой свершаетъ свой кругъ новое творчество.

Въ одномъ изъ обращеній къ обществу, въ манифестъ эго-футуризма прямо сказано: „III—Мысль до безумія. Безуміе индивидуально“. (19 Ego 12). И Эго-футуристы Ассоціаціи 1913 года признають „мысль до Безумія, ибо лишь Безуміе (въ корнѣ) индивидуально и пророчественно“ (И. В. Игнатьевъ. Эго-футуризмъ. Послѣлѣтіе 1913).

Однако же на предыдущей страницѣ той же брошюры мы находимъ упрекъ критикѣ: „Эго-футуризмъ прессой такъ и принять—„Сумасшествіе“.

Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что душевное заболѣваніе имѣетъ двоякій смыслъ. Въ глазахъ непосвященнаго, въ обычной жизни слово это стало синонимомъ бессмыслицы, нелѣпости и является въ томъ видѣ, какъ употребляетъ его критика, на которую справедливо нападаетъ И. В. Игнатьевъ, добавляя, „отчего критикѣ не выдавать свою безмозглую болванку за черепъ психіатра?“.

На самомъ дѣлѣ, всякое душевное заболѣваніе подкрадывается медленно и выражается, дѣйствительно, часто ослабленіемъ дѣятельности сознанія, но совершаются эти перемѣны по опредѣленнымъ законамъ.

Душевное заболѣваніе требуетъ, прежде всего, оцѣнки, а не глумленія. Да и оцѣнка можетъ быть различная въ зависимости отъ исходной точки зрѣнія.

Въ практической жизни, душевно-больной—безполезный членъ общества, онъ оторванъ отъ жизни. Но причина этого—въ особомъ своеобразномъ отношеніи его къ внѣшнему міру, котораго обычно и не замѣчаютъ.

Психіатры подходятъ къ душевному заболѣванію, какъ врачи-естественники. Такова наиболѣе распространенная точка зрѣнія. Они видятъ источникъ болѣзни въ пораженіи мозговой коры, гдѣ Флексигъ установилъ центры высшей психической жизни (ассоціативные).

Расчленяя головной мозгъ ножомъ на анатомическомъ матеріалѣ, эта школа стремится больную душу вывести изъ больного мозга, изъ пораженія самого мозгового вещества. Несовершенству микроскопической техники приписывается то обстоятельство, что нельзя еще пока увидѣть этихъ пораженій. Сюда же примыкаетъ въ послѣднее время химическая работа надъ самоотравленіемъ, какъ причиною душевнаго заболѣванія.

Далекая отъ психологіи и философіи, эта анатомо-фізіологическая школа не затрагиваетъ громадной области безумія, воздерживаясь совершенно отъ оцѣнки его. Попытки путемъ разнообразности фізіологіи — фізіологической или экспериментальной психологіи—ближе подойти, найти ключъ къ познанію душевнаго заболѣванія остаются пока безплодными.

Виденъ и для психіатріи выходъ съ другого конца, гдѣ душевное заболѣваніе, дѣйствительно, близко подходитъ къ мистическому творчеству новѣйшей литературы. Этотъ путь и проторенъ благодаря символистамъ-декадентамъ и ихъ пріемникамъ футуристамъ.

Я говорю о философской оцѣнкѣ душевнаго заболѣванія. Съ этой точки зрѣнія, прежде всего, отпадаетъ предосудительность аналогіи футуризма и душевнаго заболѣванія.

Психическая эволюція и различные этапы развитія личности отъ насъ совершенно сокрыты, и почему въ душевномъ заболѣваніи не открываться завѣсѣ, за которой — ступени будущаго движенія человѣка по пути развитія тѣхъ или другихъ сторонъ его личности.

Если мы представимъ себѣ нашу психику въ видѣ мозаичной картины, составленной изъ отдѣльных кусочковъ-чувствъ, настроеній и мыслей, то душевное заболѣваніе предстанетъ передъ нами въ видѣ расколотой мозаики. Отдѣльныя части картины могутъ быть при этомъ усовершенствованы, нѣтъ только гармоніи и цѣлости въ картинѣ.

Процессъ воссоединенія совершается благодаря работѣ личности, охватывающей въ нѣчто цѣлое отдѣльныя части, но каждая часть можетъ продолжать свое усовершенствованіе и тогда, когда вся личность не можетъ построиться въ нѣчто законченное и совершенное.

Та сторона въ безуміи, которая особенно привлекаетъ апостоловъ новѣйшаго теченія въ литературѣ, заключается въ особомъ способѣ воспріятія міра: пророческомъ, мистическомъ или, какъ выражались, ближе къ научнымъ терминамъ, символисты-декаденты — подсознательномъ.

Центры сознанія, тѣ области мозговой коры, по Флексигу, которыя завѣдуютъ ассоціаціями или построеніемъ нашего душевнаго міра, разстраиваются, ослабѣваютъ, и открывается большее поле для дѣятельности подсознательной области.

Извѣстные всѣмъ факты о сомнамбулизмѣ истеричныхъ, при которомъ открываются двери въ область подсознательнаго, получаютъ особую цѣнность съ точки зрѣнія философскаго освѣщенія

вопросовъ творчества не только нормальныхъ, но и душевно-больныхъ людей.

Гипнозъ, какъ лечебное средство, прокладываетъ себѣ широкій путь, но и ему находятъ попутчики — психотерапія въ смыслѣ психоанализа. Удивительнымъ образомъ вскрывается въ психоанализѣ, какъ основа подсознательной области средняго человека—эротическія представленія.

Пьеру Жанэ мы обязаны наиболѣе полнымъ философскимъ освѣщеніемъ душевнаго состоянія истеричныхъ.

Пьеръ Жанэ признаетъ, что при истеріи мы имѣемъ дѣло съ суженіемъ поля сознанія и расширеніемъ всѣхъ подсознательныхъ процессовъ. При этомъ вполнѣ оправдывается возможность раздѣленія личности — удвоеніе, утроеніе ея. Одни отправленія представляютъ подлинный ликъ — сознательный образъ личности, а другія — подсознательную область мыслей, чувствованій, представляющуюся настолько еще связною, что она образуетъ вторую личность — личину подлиннаго лика.

Проф. Дессуаръ, анализируя это раздѣленіе личности, приходитъ къ выводу, что область второй личности свойственна, принадлежитъ творчеству. Другими словами, по Дессуару—творчество является актомъ подсознательнымъ, на ряду съ напряженіемъ всѣхъ сознательныхъ областей.

„Искусство показываетъ намъ, — пишетъ Бергсонъ, — что расширение нашихъ способностей воспріятія возможно. Но какимъ образомъ оно совершается? Замѣтимъ, что, согласно общему мнѣнію, художникъ всегда „идеалистъ“, понимая подъ этимъ то, что онъ занятъ менѣе, чѣмъ большинство изъ насъ, положительной и матеріальной стороною жизни. Художникъ „разсѣянъ“, въ собственномъ смыслѣ слова. Почему, будучи болѣе оторванъ отъ реальности, онъ умѣетъ видѣть въ ней болѣе вещей, чѣмъ обыкновенный человекъ? Этого нельзя бы было понять, если бы то видѣніе, которое мы обычно имѣемъ о внѣшнихъ предметахъ и о насъ самихъ, не было бы видѣніемъ суженнымъ и опустошеннымъ: къ этому насъ приводитъ наша привязанность къ дѣйствительности, наша потребность жить и дѣйствовать. Фактически было бы легко показать, что чѣмъ болѣе заняты мы жизнью, тѣмъ менѣе мы склонны къ тому, чтобы созерцать, и что необходимость дѣйствія стремится ограничить поле видѣнія“.

На примѣрѣ художественнаго творчества Бергсонъ старается доказать присущую человѣку интуитивную способность — видѣть вещи не такъ, какъ онѣ рисуются другимъ.

Существуетъ извѣстная категорія лицъ, которыя видятъ свою жизнь окрашенною тѣмъ или другимъ цвѣтомъ въ различные ея періоды.

Это такъ называемыя „зрительныя схемы“—свѣтлыя и темныя полосы жизни.

Душевно-больные въ области подсознательнаго обнаруживаютъ способность видѣть свои мысли въ образахъ, облеченныхъ въ плоть и кровь — зрительныхъ галлюцинаціяхъ.

Мы не можемъ касаться здѣсь этой интересной стороны душевнаго заболѣванія, но все-же укажемъ, что зрительныя галлюцинаціи являются помимо воли испытывающаго ихъ субъекта. Мы приводимъ здѣсь изображеніе подобныхъ галлюцинацій, зарисованныхъ самою больною такъ, какъ она ихъ видитъ.

Фиг. 1 изображаетъ купальщицу съ своеобразно перекрещенными ногами, „какъ стираютъ бѣлье татарки въ Крыму“. Рядомъ нѣкто играетъ на цитрѣ. Ноги у него тоже скрещены, а одѣяніе поднимается кверху.

Фиг. 2—болѣе богата образами: двѣ фигуры во весь ростъ: та, которая въ профиль къ зрителю, съ хвостомъ,— „какъ бы перекинута черезъ плечо мужчины шкура льва“. Большая фигура мужчины съ рожками („съ сіяніемъ“), а „изъ горла его выходитъ стекло“. Подъ этимъ пояснымъ изображеніемъ едва замѣтное лицо съ митрою, а ниже апокалиптическій звѣрь. Звѣри (внизу и наверху) у фигуры слѣва.

Нужно отмѣтить обиліе движенія и удлиненныя фигуры, какъ у Бьернъ-Джонса. Больная курсистка, но незнакома совершенно съ прэрафаэлитами.

До сихъ поръ еще нѣтъ достаточно исчерпывающей теоріи галлюцинацій, и намъ кажется, что здѣсь открывается интересная область для сопоставленія образовъ, возникающихъ въ моментъ интуитивнаго творчества, съ галлюцинаціями душевно-больныхъ.

Н. О. Лосскій устанавливаетъ интуицію, какъ способность „непосредственно сознать не только свои состоянія, но и данныя мнѣ состоянія“.

Примѣромъ для иллюстраціи этого подраздѣленія автору служатъ навязчивыя представленія — тоже категорія явленій изъ области душевнаго заболѣванія. Одинъ писатель, страдавшій психозомъ навязчивыхъ мыслей, долженъ былъ глотать слова, давиться словами; каждое слово ощущалось имъ, какъ нѣчто постороннее, данное извнѣ, и чтобы придать ему личный характеръ, онъ принужденъ былъ глотать слова, дѣлая соотвѣтствующее глотательное движеніе. Это — навязчивая идея отчужденности слова. Другой столь же характерный случай нашего наблюденія — навязчивость самоанализа. Каждая мысль, возникающая въ умѣ, вызывала представленіе о самомъ процесѣ возникновенія. Этотъ гнетущій самоанализъ принялъ характеръ навязчивости и совершенно парализовалъ умственную работу.

Такова сила навязчивости, т. е. данныхъ извнѣ состояній сознания. Для устраненія ихъ необходимо привести человѣка въ состояніе гипнотическаго сна и воспользоваться внѣшнимъ приѣмомъ — запрещеніемъ въ гипнозѣ.

Къ разряду интуитивныхъ состояній относится, по Лосскому, и область внушенія, а также самовнушенія.

Мы остановились на области подсознательнаго и интуиціи, руководимые нашей отправной точкою зрѣнія: футуризмъ строить свое художественное зданіе на интуиціи или мистическомъ воспріятіи міра; душевное заболѣваніе открываетъ цѣлый громадный еще мало обслѣдованный съ разбираемой нами стороны міръ возникающихъ помимо воли и сознания явленій. Сюда относятся: раздвоеніе личности у истеричныхъ, истерическій сомнамбулизмъ, галлюцинаціи душевно-больныхъ, гипнозъ и самовнушенія, навязчивые мысли и поступки.

Еще одинъ существенный признакъ объединенія — оторванность отъ жизни. Этико-общественное содержаніе совершенно отсутствуетъ въ новѣйшихъ теченіяхъ литературы. Какъ мы видѣли изъ манифеста символистовъ В. Брюсова, произведенія различаются только по формѣ, а у футуристовъ — форма замѣняетъ содержаніе.

Эго-футуристы называютъ себя „коллективцами, общежителами только“ до времени нахожденія первобытнаго рая.

„Когда же каждая особь преобразится въ объединенное Его — „Я“, слова отбросятся самособойно. Одному не нужно будетъ сообщенія съ другимъ.

Человѣческая мембрана и теперь способна звать и откликаться зовамъ неизвестныхъ странъ.

Интуиція — недостающее звено, утѣшающее насъ сегодня, въ конечности спаяетъ кругъ иного міра, иного предѣла, отъ коего человѣкъ ушелъ и къ коему вновь возвращается. Это, повидимому, безконечный путь естества.

Вѣчный кругъ, вѣчный бѣгъ — вотъ самоцѣль эго-футуриста. „Жизнь“ для нихъ — „Ожиданіе“ („Всегда“), въ которомъ онъ плачетъ, какъ „неутѣшаемый вдовунъ“. И когда ступени пройдены — „востокъ молитвенно неясенъ и въ небѣ зрѣющій пожаръ“, поэтъ эго-футуристъ „ждетъ“, но не отдыха, а „новаго зодіака“, который начертитъ невѣдомое кудесницамъ, радостный, бодрый новою бодрью:

Я снова въ вертѣ вѣрныхъ чудищъ

И трансъ — планетныхъ кораблей

Несусь впередъ Границей Будищъ...“ (И. Игнатьевъ, Эго-футуризмъ).

Содержаніе все же было у символистовъ, но оно извратилось тѣмъ, что они опирались только на область подсознательнаго, поручая себя, ввѣряя случайности. Отсюда преобладаніе аморализма и эротизмъ, скрашенный нео-романтикой, какъ преобладающее содержаніе символическо-декадентской литературы.

Потусторонняя мораль (Ницшеанство) и эротизмъ совершенно не занимають футуристовъ. Они замалчивають эти элементы, какъ пережитокъ символизма и хотятъ только реформировать слово. Фракція же кубо-футуристовъ—(А. Крученыхъ) признаеть въ новомъ языкѣ только мужскій родъ „из подлага презрѣнія к женщинѣ и дѣтям“.

Подъ вліяніемъ ницшеанства, культивируемаго символизмомъ, одно время былъ разбуженъ въ подсознательной области звѣрь, и прежде всего сказалось это на болѣзненно-предрасположенныхъ натурахъ. Мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ дневника одного душевно-больного самоучки-философа.

Отъ подсознательности Ницшеанства черезъ Канта къ знанію и духовному возрожденію — такъ могли-бы мы озаглавить исповѣдь этого криминальнаго ницшеанца, жертвы символически-декадентскаго увлеченія аморализмомъ.

„Я хочу представить человѣка, совершившаго ужасное преступленіе и не чувствующаго раскаянія, т. е., по понятію людей, человѣка-звѣря.

Мнѣ думается, что исповѣдь Руссо, несмотря на ея многія достоинства, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что авторъ ея не могъ описать человѣка такимъ, какимъ онъ есть по своей сущности. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: если человѣкъ будетъ записывать свои мысли, какъ тѣ, которыя приходятъ въ сознаніе при участіи его воли, такъ и, главнымъ образомъ, тѣ, въ которыхъ наша воля не принимаетъ участія, онъ долженъ будетъ презирать себя. Мысли, являющіяся въ области безсознательнаго и достигающія порога сознанія, помимо воли, бываютъ болѣею частью эротическаго и криминальнаго характера. Спѣшу оговориться: д-ръ Р., въ каждомъ словѣ, сказанномъ мною, готовъ видѣть чуть ли не преступленіе: въ этомъ случаѣ онъ, вѣроятно, заподозритъ меня въ половой психопатіи. Я не раздѣляю его взгляда; если человѣку иногда приходитъ въ голову мысль о самоубійствѣ, и онъ не приводитъ ее въ исполненіе, можемъ ли мы назвать его самоубійцею.

Конечно нѣтъ.

Такъ и въ вышеприведенномъ случаѣ: человѣкъ ихъ стыдится, но не можетъ отъ нихъ отдѣлаться. Что эти мысли являются помимо нашей воли, доказывається тѣмъ, что онъ такъ же скоро исчезаютъ, какъ и появляются.

Никакія усилія воли не могутъ вызвать ихъ въ нашемъ сознаніи, и лишь иногда о нихъ появляется смутное воспоминаніе. Теперь я скажу нѣсколько словъ о человѣческихъ чувствахъ, какъ я ихъ понимаю. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что чувство альтруизма заложено въ человѣкѣ отъ природы — въ такомъ случаѣ, откуда могъ явиться эгоизмъ? Превосходный анализъ Гобса альтруистическихъ чувствъ разрушаетъ всѣ бредни моралистовъ.

Всѣ чувства не что иное, какъ видоизмѣненіе эгоизма; набожность и религіозныя чувства суть слѣдствіе страха; чувство любви эгоистично. Наиболѣе альтруистическія чувства, благорасположеніе и сожалѣніе, тоже въ основаніи эгоистичны: быть добрымъ, значить чувствовать себя настолькоъ сильнымъ, чтобы создать собственное счастье и счастье другого; имѣть сожалѣніе, значить вообразить, что бѣдствіе, постигшее другого, можетъ постигнуть и васъ самихъ, и заранѣе чувствовать себя несчастнымъ.

Вообще, каждое альтруистическое чувство въ основаніи — эгоистично.

Искать удовольствій и избѣгать страданій — таковъ естественный законъ и сущность того, что мы называемъ нравственностью.

Этотъ законъ принимается всѣми людьми безъ исключеній; его можно называть апіорнымъ, потому что онъ предшествуетъ даже сознанію.

Благодаря этому закону, люди достигли той степени цивилизаціи и культуры, при которой возможенъ и альтруизмъ; человѣкъ, не имѣющій возможности прокормить себя, врядъ ли поможетъ другому.

Слѣдовательно, эгоизмъ является регуляторомъ отношеній между людьми, и альтруизмъ необходимо вытекаетъ изъ него.

Допустимъ теперь другое положеніе, т. е. допустимъ, что чувство альтруизма врождено въ человѣкъ. Къ кому онъ можетъ питать альтруистическія чувства?

Если признать, что люди соединились въ общество, благодаря договору, понимая слово „договоръ“, какъ его понимали Руссо и Кантъ или какъ энциклопедисты, безразлично, — то придется допустить, что человѣкъ имѣлъ нужду въ себѣ подобныхъ. Нужда могла возникнуть лишь изъ боязни за свою жизнь или собственность, слѣдовательно, изъ эгоизма.

Доказывать, что альтруизмъ не присущъ человѣку при современной жизни — очень трудно, потому что встрѣчаются люди, дѣлающіе добро, повидимому, совершенно безкорыстно; (къ числу такихъ людей я отношу прокуроровъ, сомнѣвающихся въ умственныхъ способностяхъ преступника. Чѣмъ руководствуются они при этомъ?).

Всѣ поступки людей, съ которыми я имѣлъ несчастье сталкиваться, не только не имѣли въ основаніи альтруизма, но всѣ вытекали изъ чисто животнаго эгоизма...

„Ненависть моя какая-то особенная. Интересно прослѣдить мои отношенія къ людямъ которыхъ я глубоко ненавижу. Иногда мнѣ кажется, что я готовъ убить человѣка, сдѣлавшаго мнѣ зло, и въ то же время я чувствую къ нему особенное чувство, для опредѣленія котораго въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ.

Приблизительно, это чувство похоже на любовь или жалость.

Теперь я убѣжденъ, что моя ненависть постоянно переходитъ въ это чувство. Въ особенности, если человѣкъ, котораго я ненавижу, обратится ко мнѣ съ просьбою, привѣтствіемъ и пр.

Я помню, что когда Р. обратился ко мнѣ въ первый разъ, и я отвѣтилъ на его привѣтствіе грубостью, то онъ въ то же время приобрѣлъ мою любовь: изъ гордости я не хотѣлъ сознаваться въ этомъ не только Р., но даже и себѣ.

Конечно, я не могъ сразу начать разговаривать съ нимъ — этому мѣшало чувство гордости.

Будучи на волѣ, я не испытывалъ такихъ внезапныхъ переходовъ, и даже въ больницѣ у св. Николая они бывали довольно рѣдки (случай съ д-ми Ч-вымъ, У-скимъ и Ф-комъ). Чему приписать это? Отчасти вліянію Р-на и чтенію хорошихъ книгъ!

У Спинозы я нашелъ и прочелъ прекрасное объясненіе этихъ состояній: гениальный мыслитель говоритъ, что радость, возникающая изъ предположенія, что ненавистный предметъ уничтоженъ или какимъ бы то ни было образомъ пострадалъ, всегда содержитъ въ себѣ элементъ печали. Почему? Потому что всегда, когда мы представляемъ себѣ, что подобный намъ объектъ уничтоженъ, мы сами бываемъ опечалены.

Это объясненіе мнѣ кажется приложимымъ къ людямъ, подобнымъ мнѣ, т. е. ненавидящимъ человѣчество и любящимъ его, но врядъ ли оно приложимо къ большинству двуногихъ скотовъ*.

Мое возрожденіе.

Приношу искреннюю благодарность ординатору нашего павильона за его гуманное отношеніе ко мнѣ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ глубоко несчастнымъ, но не злодѣемъ, какимъ считаетъ меня одинъ изъ врачей. Онъ убѣдилъ меня, что на свѣтѣ находится много людей, свято исполняющихъ свой долгъ. Я убѣжденъ, что мой характеръ измѣнится къ лучшему.

Уже и теперь я замѣчаю нѣкоторое улучшеніе: подозрительность по отношенію къ людямъ исчезаетъ, нервность уменьшается, руки перестали дрожать, вѣсъ прибавился. Все это убѣждаетъ меня, что Шопенгауэръ былъ неправъ, считая волю абсолютной, т. е. неспособной измѣняться. Я думаю, что подъ вліяніемъ воспитанія и чтенія хорошихъ книгъ (въ особенности Канта) можно совершенно перевоспитать человѣка.

Сапожный подмастерье *Васильевъ**.

Футуризмъ бичуетъ и положительное знаніе и своихъ предшественниковъ. Наиболѣе яркую критику мы находимъ у лѣвыхъ футуристовъ — Союзъ молодежи. Поэты Гилея.

„1-ая особа. Кантъ, хотѣвшій опредѣлить границы человѣческаго разума, опредѣлилъ границы нѣмецкаго разума. Разсѣянность ученаго.

2-ая особа. Я тоскую по большому костру изъ книгъ. Желтыя искры, бѣглый огонь, прозрачный пепель, разрушающійся отъ прикосновенія и даже дыханія, пепель, на которомъ можно еще прочесть отдѣльныя строки, слова похвалы или высокомерія, все это обращается въ черный, прескрасный, изнутри озаренный огнемъ цвѣтокъ, выросшій изъ книги людей, какъ цвѣты природы растутъ изъ книги земли, хребтовъ, ящеровъ и другихъ ископаемыхъ. И тогда, если на грудѣ тлѣющихъ страницъ случайно останется слово Кантъ, то кто-нибудь, знакомый съ шотландскимъ нарѣчіемъ, переведетъ это слово черезъ „сапожникъ“. Вотъ все, что останется отъ мыслителя. Онъ воздвигъ нерукотворный памятникъ ограниченности своего народа. Впрочемъ, былъ-ли онъ мыслителемъ?“ (В. Хлѣбниковъ Разговоръ двухъ особъ. Союзъ Молодежи. 3).

Эго-футуристы также рѣзко нападаютъ на позитивизмъ и науку, но они сохраняютъ отъ декадентовъ ихъ Ницшеанство въ видѣ преклоненія передъ своимъ „Я“. „Въ эго-футуризмѣ „эго“ больше, нежели футуризма“.

„Грамота“ Интуитивной Ассоціаціи 1913 г. гласитъ:

„I. Эго-футуризмъ — непрестанное устремленіе каждаго эгоиста къ достиженію возможностей будущаго въ настоящемъ.

II. Эгонизмъ — индивидуализація, осознаніе и восхваленіе „Я“.

III. Человѣкъ — сущность. Божество — тѣнь человѣка въ зеркалѣ вселенной.

Богъ — природа. Природа — Гипнозъ. Эгонистъ — Интуитъ. Интуитъ — Медіумъ.

IV. Сѣзиданіе Ритма и Слова“. (И. В. Игнатьевъ. Эго-футуризмъ).

Лѣвые футуристы-поэты, къ которымъ примыкаютъ и кубо-футуристы-художники, видятъ источникъ своего вдохновенія (въ лицѣ Хлѣбникова) въ народной пѣснѣ-байкѣ, называя себя въ послѣднее время баячи будетляне (барды, баяны будущаго).

Отъ народной пѣсни вѣтъ радостью жизни. У нея и ся баячей нѣтъ пессимистическихъ нотъ декадентовъ-символистовъ. Съ критикою В. Хлѣбникова декадентскаго пессимизма нельзя не согласиться, и она настолько характерна для жизнерадостности футуристовъ, что мы приводимъ ея заключеніе.

„Почему русская книга и русская пѣснь оказались въ разныхъ станахъ?

Не есть ли споръ русскихъ писателей и пѣсни споромъ Мораны и Весны? Безкорыстный пѣвецъ славить Весну, а русскій писатель Морану, богиню смерти.

Я не хочу, чтобы русское искусство шло впереди толпы самоубійцъ“.

Итакъ, корни футуризма, какъ и символизма и душевнаго заболѣванія — въ подсознательной области.